

Роль «большого репортажа» межвоенного периода (1919–1939 гг.) в формировании теории ангажированной литературы Ж.-П. Сартра

Научный руководитель – Прутцков Григорий Владимирович

Сабова Анна Дмитриевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет журналистики, Кафедра зарубежной журналистики и литературы, Москва, Россия

E-mail: sabova.ad@yandex.ru

Среди всех французских репортеров межвоенного периода, которые путешествовали в труднодоступные точки на карте мира и нередко подвергались опасности попасть в плен или пропасть без вести, внимательнее всего французские читатели следили за судьбой Альбера Лондра и Жозефа Кесселя. Их наиболее известные публикации (цикл очерков «На каторге» (*Au bagne*, 1923), опубликованный по итогам путешествия Альбера Лондра на каторгу в Кайенне; и серия репортажей о гражданской войне в Испании, написанные Жозефом Кесселем для «Пари-Суар» в 1938 году) получают звание ангажированного репортажа — жанра, в котором автор, подчёркивая свою независимость от политических партий, открыто высказывает свою позицию в отношении общественно-политических событий в жизни страны.

Введённое в оборот применительно к французским писателям и публицистам 1920-1930-х годов, понятие «ангажированность» выходит далеко за эти хронологические рамки. Уже в «Опытах», написанных Мишелем де Монтенем в эпоху религиозных войн XVI века, проступает его двойственность: мыслитель обязан уметь не «увлекаться ни особенно глубоко, ни безраздельно» [1] никакой из существующих партий, но и одновременно бороться с проявлениями нетерпимости любого свойства. Французские просветители в XVIII веке утверждают новые этические принципы применительно к фигуре писателя, обязанность которого — открыто занимать и отстаивать свою позицию в отношении вопросов морали, политики, событий в стране. XIX столетие уже накладывает на писателя судебную ответственность за ангажированность в общественно-политических и нравственных вопросах [4].

Современное звучание данное понятие обретает после потрясений Первой мировой войны и накануне Второй мировой [3], а полноценная теория ангажированной литературы возникает вместе с книгой Ж.-П. Сартра «Что такое литература?» (1947). В ангажированной литературе он видит явление, которое можно объяснить только при помощи свободного выбора — ключевого понятия философии экзистенциализма.

Прежде всего, он проводит границу между позицией ангажированного писателя и детерминизмом современных ему литераторов, связанных с Французской коммунистической партией: ангажированный писатель опирается на собственное суждение и личный опыт, а не на объективность Истории. Во-вторых, сам язык, выбранный писателем, вынуждает его стать проводником между миром и читателем и воспринимать своё слово как действие: «Он отдаёт себе отчет в том, что обнажать [действительность] означает — изменить, и что нельзя обнажать, не имея целью изменить» [2].

Видя в ангажированности неотъемлемое условие существования писательского труда и свободный выбор любого прозаика, Сартр подчеркивает, что главная черта такой литературы — поиск новых способов борьбы за читателя: «Книга — самая утонченная и древняя форма литературы, к ней так или иначе мы будем возвращаться. Но искусство телевизионных и кинематографических сценариев, газетных передовиц и репортажей тоже относится к литературе» [2].

Именно на этих принципах основан так называемый «большой репортаж» (от фр. grand reportage) 1920-1930-х годов, который французские историки нередко называют фельетонным и даже литературным, «поскольку он задумывался, создавался и публиковался на манер романа-фельетона» [5], который был изобретён в XIX веке и который публиковался глава за главой от одного номера газеты к другому.

Не соприкасаясь непосредственно с теориями мыслителя, современного обоим репортёрам, и проведя большую часть своей карьеры за пределами Франции, Лондр и Кессель создают новые этические и аксиологические принципы работы репортёра, влияние которых косвенно сказывается в теории ангажированной литературы Сартра. Выведенный им образ писателя-посредника, готового использовать слова для собственных целей, а не служить им [2], проступает уже в названных репортажах. Заставляя читателя собственными глазами взглянуть на жизнь каторжников во Французской Гвиане или испытать тот же страх, что и журналист, осознавший опасную близость гражданской войны от его страны, «большой репортёр» становится героем собственного произведения, зачастую осваивая факт при помощи литературных приёмов в поисках новых способов воздействия на читателя.

Его роль усложняется и расщепляется: репортёр не только стремится донести до читателя исчерпывающую информацию о событии; он становится одновременно и автором текстов, имя которого прочно ассоциируется с периодическим изданием, и героем, за приключениями которого читатели напряжённо следят от номера к номеру, как за главами увлекательного романа-фельетона; и посредником между читателем и миром, изменившимся в первые годы нового столетия. Таким образом, именно «большие репортёры» одними из первых осознанно обратились к средствам ангажированной литературы, философское основание и теорию которой сформулирует десятилетие спустя французский экзистенциализм.

Источники и литература

- 1) Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Пер. с фр., М., 1992. Т. 3. — 416 с.
- 2) Сартр Ж.-П. Что такое литература? Слова / Пер. с фр. Н.И. Полторацкой, Минск, 1999. — 448 с.
- 3) Myriam Boucharenc, L'Écrivain-reporter au cœur des années trente, Presses Universitaires du Septentrion, 2004, 243 p.
- 4) Gisèle Sapiro, La Responsabilité de l'écrivain. Littérature, droit et morale en France, XIXe-XXIe siècle, Seuil, 2011, 750 p.
- 5) Mélodie Simard-Houde, Le reporter devient un auteur. L'édition du reportage en France (1870-1930) // Mémoires du livre. Volume 6. № 2. Printemps, 2015. URL: <http://id.erudit.org/iderudit/1032715ar> (дата обращения: 26.02.2018).